

Логинов Александр Валерьевич

ПРИНЦИП ЦИКЛИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЯХ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Статья раскрывает содержание концепций циклической динамики, представленных в трудах древнегреческих натурфилософов и политических мыслителей, исследованы отличительные особенности указанных концепций и их эмпирический потенциал. Основное внимание в работе автор акцентирует на содержательных аспектах эмпирического и спекулятивного циклизма политико-философских концепций древних греков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/3-1/31.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. I. С. 115-120. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

8. Леонтьев А. А. Психолингвистическая проблематика массовой коммуникации // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. М., 1974.
9. Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.
10. Микрופолитика: субъективные аспекты политического процесса в России. М.: Современные тетради, 2004.
11. Никитина К. В. Политический дискурс СМИ и его особенности, создающие предпосылки для манипуляции общественным сознанием // Управление общественными и экономическими системами: многопредметный научный журнал. Орел: ОрелГТУ, 2006. № 2.
12. Ольшанский В. Д. Основы политической психологии. Екатеринбург, 2001.
13. Панарин И. Н. Технология информационной войны. М.: КСП+, 2003.
14. Политические коммуникации / под ред. А. И. Соловьева. М.: Аспект-Пресс, 2004.
15. Русакова О. Ф., Максимов Д. А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // ПОЛИС. 2006. № 4.
16. Скиперских А. В. Легитимация политической власти: становление и развитие концепта // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2007. № 10.
17. Тузиков А. Р. Масс-медиа: идеология видимая и невидимая // ПОЛИС. 2002. № 5.
18. Чистов И. И. Формирование образа законодательной власти РФ в российских СМИ (на примере Государственной Думы Федерального Собрания РФ). М., 2009.
19. Vertzberger Y. The World in Their Minds: Information Processing, Cognition, and Perception in Foreign Policy Decision Making. Stanford: Stanford Univ. Press, 1990.

POLITICAL DISCOURSE IN MASS MEDIA AND POWER LEGITIMIZATION IN SOCIAL-POLITICAL CHANGES CONTEXT

Yuliya Igorevna Levshenko

*Department of Politics Philosophy and Law
Moscow State University named after M. V. Lomonosov
u.levshenko@gmail.com*

The author shows that social-political processes research is closely associated with the study of political discourse functioning and mass media social role, and considers the influence of informational-communication mechanisms on social-political sphere transformation in general and on power legitimation processes in particular.

Key words and phrases: political discourse; mass media; legitimation; informational society; social-political transformation; political communication; social relations construction; political text; power resource; society administration.

УДК 321.02:94(495)

Статья раскрывает содержание концепций циклической динамики, представленных в трудах древнегреческих натурфилософов и политических мыслителей, исследованы отличительные особенности указанных концепций и их эмпирический потенциал. Основное внимание в работе автор акцентирует на содержательных аспектах эмпирического и спекулятивного циклизма политико-философских концепций древних греков.

Ключевые слова и фразы: цикличность; принцип циклизма; концепция циклической динамики; политические ценности; древнегреческие натурфилософские концепции; круговорот; постоянство изменений; формы правления; регрессивная цикличность.

Александр Валерьевич Логинов, к. полит. н., доцент
*Кафедра регионоведения и политологии
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Loginov77@rambler.ru*

ПРИНЦИП ЦИКЛИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЯХ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ[©]

В современной науке можно выделить два полюса теоретизирования по проблемам закономерностей функционирования и развития социально-политической системы. Один из них связан с представлением о линейном характере общественного развития (история предстает как некоторое магистральное направление общественного прогресса), другой – с представлением о нелинейности, цикличности, волновом характере развития общества [5-7].

А. А. Игнатенко справедливо выделяет две базовые разновидности циклизма: *эмпирический* и *спекулятивный* циклизм. Если первый был основан на «очевидной и верифицируемой без особого труда» политической и иной действительности (например, циклы возникновения, укрепления, разложения и гибели династий, которые демонстрировали династийные хроники), то второй имел место «не столько с историографией, сколько с интерпретациями истории, т.е. с областью спекулятивной – философией истории, теоретической социологией, эсхатологией, этикой и т.п.» [4].

В политических учениях древнегреческих мыслителей был представлен широкий спектр концепций, носящих как эмпирический, так и спекулятивный характер. Желая снять политическую неопределенность, придав ей характер закономерности, обрести политическую стабильность, особенно в кризисные для политической и социальной системы периоды, древнегреческие мыслители активно развивали идеи об изменчивости, придавая им форму циклических концепций.

Одним из первых был древнегреческий философ и поэт *Гесиод* (VII в. до н.э.). Циклическая концепция Гесиода выражена в легенде о «Пяти веках», при этом каждое последующее поколение было хуже предыдущего. В поэме «Груды и дни» [3] он рисует идеал справедливого общественного порядка, который он видит в прошлом, а не в будущем. Таким идеалом для мыслителя выступал *золотой век* (правление Крона), когда «племена на земле обитали, горестей тяжких не зная, не зная ни трудной работы, ни вредоносных болезней, погибель несущих для смертных» [Там же]. Следующим был *век серебряный* – «из серебра сотворили великие боги Олимпа. Было не схоже оно с золотым ни обличьем, ни мыслью» [Там же]. На наш взгляд, в данном отрывке весьма контрастно показана идея изменения ценностей при переходе от одного цикла к другому. Следуя в русле традиционной древнегреческой мифологии, Гесиод указывает на факт открытия «ящика Пандоры»: Пандора¹, «снявши великую крышку с сосуда, их всех распустила. Женщина эта и беды лихие наслала на смертных» [Там же]. В результате «тысячи бед улетевших меж нами блуждают повсюду, ибо исполнена ими земля, исполнено море» [Там же]. Гесиод характеризует серебряный век как век невежественных людей, «ибо от гордости дикой не в силах были они воздержаться, бессмертным служить не желали, не приносили и жертв на святых алтарях олимпийцам, как по обычаю людям положено. Их под землю Зевс-громовержец сокрыл, негодуя, что почестей люди не воздавали блаженным богам, на Олимпе живущим» [Там же].

Следующим за серебряным было поколение *медное*: «были те люди могучи и страшны. Любили Грозное дело Арея, насильщину... Крепче железа был дух их могучий». Люди медного века стали истреблять друг друга во взаимных распрях, «сила ужасная собственных рук принесла им погибель» [Там же].

«После того, как земля поколение и это покрыла», боги создают четвертое – *героическое поколение* (эпоха Геракла и Троянской войны). Следует отметить, что в акте создания богами четвертого поколения всеобщая деградация людей, как это, на первый взгляд, ни выглядит парадоксальным, частично приостанавливается: «Снова еще поколень, четвертое, создал Кронион на многодарной земле, справедливее прежних и лучше – славных героев божественный род. Называют их люди Полубогами: они на земле обитали пред нами. Грозная их погубила война и ужасная битва» [Там же].

Внешняя нелогичность циклического повествования Гесиода вполне объяснима с позиций современных научных представлений о цикличности, а также методологических позиций синергетики. Согласно им, кризису, который всегда завершает очередной цикл развития, как правило, предшествует весьма кратковременный период стабилизации, когда, возможно, открывается «окно возможностей» для частичного изменения сформировавшегося тренда. Наконец, на смену героическому веку приходит *железный век*: «землю теперь населяют железные люди. Не будет им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя, и от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им. Все же ко всем этим бедам примешаны будут и блага» [Там же].

По концепции Гесиода, в каждом веке все начинается с переоценки ценностей. Применительно к железному веку Гесиод особо делает акцент на утрате такой ценности как почтение к старшим: «дети – с отцами, с детьми – их отцы сговориться не смогут. Старых родителей скоро совсем почитать перестанут. Будут их яро и зло поносить нечестивые дети тяжкою бранью, не зная возмездья богов... Лишь одни жесточайшие, тяжкие беды людям останутся в жизни. От зла избавленья не будет» [Там же]. В результате «Зевс поколенья людей говорящих погубит и это после того, как на свет они станут рождаться седыми» [Там же].

Таким образом, в поэме Гесиода нашла выражение регрессивно-круговая модель цикличности от *золотого века к железному*, от согласия и справедливости к моральному разложению верхов и всего общества. Следует отметить, что поскольку циклическая модель Гесиода имеет круговой характер, можно предположить, что мыслитель вовсе не исключает возврата к Золотому веку всеобщего счастья.

Продолжателем учения об изменчивости и цикличности был древнегреческий философ *Гераклит* (530–470 гг. до н.э.).

Началом всего сущего Гераклит считал огонь и всеобщий закон развития – разум. Он был убежден, что в мироздании нет ничего неизменного. Основной элемент – огонь: «космос этот, тот же для всех, никто из богов и никто из людей не создал, но был он всегда, и есть, и будет: огонь вековечный, возгорающий мерно и погасающий мерно» [2, с. 245], и все есть изменение огня: «в огонь изменяется все и огонь – во все так же, как вещи – в золото и золото – в вещи» [Там же], все вещи возникают через разрежение и сгущение. Все возникает из противоположности: «огня смерть – воздуху рождение, и воздуха смерть – воде рождение, и воде смерть – рождение земле. Это стезя книзу. Земли смерть – воде родиться, и воды смерть – воздуху родиться, и воздуха (смерть – родиться) огню. Это стезя вверх». Вселенная наподобие реки: «ты в потоки те же самые дважды не войдешь», причем Целое ограничено и Мир един: «одни дни счастливыми сделал он, другие – дурными, не признав, что природа у всякого дня – единая» [Там же, с. 244–247]. Он попеременно рождается из огня и снова воспламеняется: «все из огня ведь возникло и снова в огонь разрешится... все огонь, приидя, рассудит и захватит» [Там же, с. 246].

Ряд натурфилософских идей о природе цикличности мы находим в следующих высказываниях Гераклита: «Великий год состоит из десяти тысяч восьмиста солнечных годов. ...Тридцатилетний юноша может стать дедом, ибо достигает половозрелости в дважды семь лет. Тридцать лет – поколение или колесо рождения, в течение которого родитель может получить родившегося от рожденного им и природа возвращается» [Там же, с. 246, 264]. Так происходит в течение всей вечности.

¹ В древнегреческих мифах первая женщина.

Подобно Гесиоду, Гераклid в заключении своего трактата «О природе» говорит об упадке нравов общества в целом и аристократических слоев в частности. Выступая против «бессмысленных и непристойных обрядов», он констатирует факт деградации отношений власти и подчинения. Одна такая констатация у Гераклита носит не основной, а подчиненный характер. Факт деградации отношений власти и подчинения он рассматривает в более широком аспекте, как следствие борьбы противоположностей и единства всего сущего.

Еще более определенно на сей счет высказывался *Эмпедокл* (ок. 490 до н. э. – ок. 430 до н.э.). В концепции Эмпедокла делается акцент на двух глобальных мегациклах, в рамках которых «то прорастает Единство Многость, то вновь разделяется рост Единства на Многость» [12, с. 277]. Подобный «размен» имеет природу бесконечности.

В модели Эмпедокла все вещи состоят из четырех начал, стихий или корней: огня, воздуха, воды и земли – «все те стихии равны и все одинаково исконны» [Там же, с. 278]. Им соответствовали Зевс, Аид, Нестис (сицилийское божество воды) и Гера. У каждой из стихий разное функциональное назначение: «всякой, однако, и должность иная, и свойство иное». При этом мыслитель, не конкретизируя их назначение, обращает наше внимание на то, что «в круговороте времен есть доля господства для каждой, к ним ничто не прибавится, в них ничто не убудет» [Там же]. Эмпедокл отвергает мысль о рождении и смерти вещей. Последние образуются посредством смешения и соединения стихий в определенных пропорциях.

Источником движения, происходящего в природе, являются не сами «корни», так как они неизменны, а две противоположные силы – Любовь (Филея), олицетворяющая единство и добро, и Ненависть (Нейкос), олицетворяющая множество и зло. Доминирует попеременно одна из них – Любовь или Ненависть. Во временном контексте происходит их беспрестанное чередование. Подобные изменения напоминают движение маятника: «то, Любовью влекомое, сходится всё воедино, то враждою Раздора вновь гонится врозь друг от друга». Любовь и Ненависть являются «активными» началами. Эти две силы обладают вполне определёнными физическими качествами. Так, «липкая Любовь» имеет все свойства влаги, а «губительная Ненависть» – свойства огня. Таким образом, весь мир представляет собой процесс смешения и разделения смешанного. Если начинает господствовать Любовь, то образуется Сфайрос – шар, при котором Ненависть находится на периферии. Когда Вражда проникает в Сфайрос, то происходит движение стихий, и они оказываются разделенными. Затем начинается обратный процесс, который заканчивается воссозданием Сфайроса – однородной неподвижной массы, имеющей шаровидную форму. Итого было 4 фазы: 1) акосмическая – господство и победа Любви (Сфайрос); 2) космическая – переход от Любви к Ненависти; 3) акосмическая – господство и победа Ненависти; 4) космическая – переход от Ненависти к Любви. Согласно данной концепции человечество живет в 4-й фазе.

При этом процесс обретения нового качества носит не одномоментный, а постепенный характер: «после того, как Раздор отошел в глубочайшие недра Вихря, и стала Любовь средоточием круговращения, в ней сливается всё воедино, однако не разом, но постепенно, оттоль и отсель доброхотно сближаясь» [Там же, с. 280].

Подобно древнекитайским мыслителям Эмпедокл констатирует постоянство таких изменений: «сей непрерывный размен никак прекратиться не может; постольку они, неизменные, движутся в круге» [Там же, с. 279]. Тем самым циклический процесс развития живых форм имеет форму круга: «властвуют поочередно они во вращении круга, слабеют и вновь возрастают, черед роковой соблюдая. Только они и есть, и все те же, но входят друг в друга и возникают в обличья людей и различных животных» [Там же].

Мировой процесс состоит из тех же повторяющихся циклов. В процессе всех происходящих изменений сами элементы не возникают и не уничтожаются, они вечны.

Основные положения циклических концепций Гесиода и Гераклита использовал великий древнегреческий мыслитель *Платон* (427-347 гг. до н.э.).

В диалоге «Государство» он подходит к определению цикла, основываясь на наблюдениях за природными процессами, где он обращает внимание на циклы разной продолжительности. Говоря об аристократии как идеальной форме правления, он отмечает: «трудно пошатнуть государство, устроенное таким образом. Однако раз всему, что возникает, бывает конец, то даже и такой строй не сохранится вечно, но подвергнется разрушению. Означать же это будет следующее: урожай и неурожай бывает не только на то, что произрастает из земли, но и на то, что на ней обитает, – на души и на тела, всякий раз, как круговращение приводит к полному завершению определенного цикла: у недолговечных существ этот цикл краток, у долговечных – наоборот» [9]. Используя миф Гесиода о «Пяти Веках», Платон классифицирует формы правления по нисходящей линии от *аристократии* к *тирании* на основе постепенного ослабления у людей нравственного и добродетельного начал.

Идеальное аристократическое правление, по мнению Платона, было неосуществимо в его время, но в прошлом, в золотом веке, оно имело место. Утрата нравственного совершенства вела к появлению неправильных видов правления. Причиной вырождения аристократии мудрых Платон считает невозможность сохранения и передачи через поколение высоких моральных качеств, и поэтому появляющиеся на свет от добродетельных уже менее добродетельны. У них заметно стремление обладать, быть богатыми, а именно это и губит аристократический режим [8, с. 83].

Аристократия вырождается в *тимократию* – власть честолюбивых, господство сильнейших воинов, как в Спарте. Для тимократии характерны правители, отличающиеся соперничеством и честолюбием. «Там побоятся ставить мудрых людей на государственные должности, потому что там уже нет подобного рода простосердечных и прямых людей, а есть лишь люди смешанного нрава; там будут склоняться на сторону тех, кто яростны духом... Там будут в чести военные уловки и хищничества, ведь это государство будет вечно воевать» [9].

Тем из граждан, которые прославились, уже начинает не хватать одной славы, им хочется чего-либо другого, закрепляющего их социальный статус. Таким зримым может быть только имущество, а это ведет к тому, что «чем больше они ценят дальнейшее продвижение по пути наживы, тем меньше почитают они

добродетель» [Там же]. «Скопление золота в кладовых у частных лиц губит тимократию» [Там же], и она вырождается в *олигархию*.

Платон делает вывод о том, что «подобного рода государство неизбежно не будет единым, а в нем как бы будут два государства: одно – бедняков, другое – богачей. Хотя они и будут населять одну и ту же местность, однако станут вечно злоумышлять друг против друга» [Там же].

В таком обществе происходит дальнейшее «превращение» ценностей, их изменение и «смягчение»: «наглость они будут называть просвещенностью, разнузданность – свободой, распутство – великолепием, бесстыдство – мужеством. Разве не именно так человек, воспитанный в границах необходимых возделений, уже в юные годы переходит к развязному потаканию вожделям, лишенным необходимости и бесполезным» [Там же]. Когда неповиновение привьется, то отец привыкает страшиться своих детей, а учитель – учеников. Все принудительное у граждан в демократическом государстве вызывает возмущение как нечто недопустимое. А закончат они тем, что перестанут считаться даже с законами, чтобы вообще ни у кого и ни в чем не было над ними власти. По мнению Платона, избыточный акцент, переразвитие «блага, выдвинутого как конечная цель» является основной причиной гибели текущего режима: «то, что определяет как благо демократия и к чему она ненасытно стремится, именно это ее и разрушает», и это благо есть Свобода. «Ненасытное стремление» к свободе и «пренебрежение к остальному искажает этот строй и подготавливает нужду в тирании» [Там же].

Следует обратить особое внимание на весьма важный вывод Платона, который позволяет глубже понять природу цикла: «все чрезмерное обычно вызывает резкое изменение в противоположную сторону, будь то состояние погоды, растений или тела. Не меньше это наблюдается и в государственных устройствах. Ведь чрезмерная свобода, по-видимому, и для отдельного человека, и для государства оборачивается не чем иным, как чрезвычайным рабством. ...Так вот, тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из демократии; иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство» [Там же]. Народ привык особенно отличать кого-то одного, ухаживать за ним и его возвеличивать. Когда появляется тиран, он вырастает именно из этого корня, то есть как ставленник народа.

Тирания – самая порочная форма правления. Чтобы сохранить за собой власть, тирану придется зорко следить за тем, кто мужественен и великодушен, разумен и мудр. Благополучие тирана основано на том, чтобы строить против них козни, пока не очистит от них государство. Опираясь на послушную толпу, он станет привлекать к суду своих соперников по несправедливым обвинениям, отнимая у человека жизнь, карая изгнанием и приговаривая к страшной казни.

Так народ из подчинения свободным людям попадает в услужение к деспотической власти и свою умеренную свободу меняет на самое тяжелое и горькое рабство – рабство у рабов [Там же]. Тирания как незаконная власть одного лица характеризуется абсолютной несвободой всех граждан общества, за исключением одного, который свои интересы ставит выше всех граждан.

Таким образом, концепция циклического чередования форм правления Платона является наиболее разработанной моделью «регрессивной» цикличности – поэтапного и неуклонного удаления от идеальной формы, деградации, в основе которой лежит переразвитие центрального «блага, выдвинутого как конечная цель» в узком смысле и порча нравов граждан в более широком.

В числе античных политических философов – наиболее последовательных сторонников циклического подхода к анализу явлений окружающей действительности – необходимо назвать *Аристотеля* (384-322 гг. до н.э.). В трактате «О возникновении и уничтожении» [1] он обращается к проблеме циклического развития, частным случаем которого выступает циклическое развитие и чередование форм правления. Проблема возникновения и уничтожения представлялась Аристотелю исключительно важной.

Обращаясь к проблемам общефилософского плана, Аристотель связывает возникновение и уничтожение с движением: «бог завершил мировое целое тем способом, который оставался: он сделал возникновение безостановочным. ...В самом деле, всякий раз, когда из воды возникает воздух, из воздуха – огонь, а из огня – снова вода, мы говорим, что возникновение совершило свой круг, потому что вернулось к исходной точке. Поэтому прямолинейное перемещение, подражающее круговому, также непрерывно» [Там же].

Изучая природу процессов «возникновения» и «уничтожения», Аристотель актуализирует вопрос: «не потому ли изменение [одной вещи в другую] необходимо бывает нескончаемым, что уничтожение одного есть возникновение другого и возникновение одного – уничтожение другого?». И далее сам же на него отвечает: «в этом и следует полагать достаточную для всех причину, одинаково [объясняющую] возникновение и уничтожение любой вещи» [Там же]. В последней, одиннадцатой, главе Аристотель показывает, что процессы возникновения и уничтожения необходимо имеют циклический характер, хотя они и не всегда повторяются абсолютно тождественным образом. К такого рода циклическим процессам относятся круговорот воды в природе, смена поколений живых существ и т.д.

Частным случаем циклической динамики у Аристотеля является чередование форм правления. Аристотель, как и Платон, развивал идею перехода одной формы в другую: «отклонение от монархии даёт тиранию, отклонение от аристократии – олигархию, отклонение от политики – демократию, отклонение от демократии – охлократию». Уделяя значительное внимание социальной структуре государства, он полагал, что богатые и бедные являются существенными элементами государства, в зависимости от преобладания тех или других устанавливается и соответствующая политическая форма. Признаком олигархии является не только власть меньшинства, сколько власть богатства. Для демократии характерно преобладание бедных в структуре власти.

Выступая с позиций «идеолога золотой середины», Аристотель подчеркивал высокую значимость поддержки в системе состояния динамического равновесия. В этой связи он отмечал, что при любом государственном

строе общим правилом должно служить следующее: ни одному гражданину не следует давать возможность чрезмерно увеличивать свою политическую силу сверх надлежащей меры.

Одним из наиболее последовательных представителей данной методологической ориентации можно считать известного античного историка *Полибия* (200-120 гг. до н.э.). Взгляды Полибия на изменение государственных форм как их кругооборота в рамках определенного замкнутого цикла событий формировались под влиянием концепций Платона и Аристотеля. В своей «Всеобщей истории» (Книга VI, 3-10) [10] он очень рельефно представляет шесть форм правления, круговращательно сменяющих друг друга в ходе истории: *царство (царская власть), тирания, аристократия, олигархия, демократия, охлократия*.

Первоначальный вождь-самодержец незаметно и естественно превращается, по концепции Полибия, в царя, в той мере, в которой «царство разума меняет собой господство отваги и силы» [Там же]. Царская власть наделяет каждого по заслугам, а подчиненные подчиняются ей не столько от страха насилия, сколько по велению разума и по доброй воле.

Со временем царская власть становится наследственной. Цари меняют прежний образ жизни с его простотой и заботой о подданных и начинают сверх меры предаваться удовольствиям. В результате вызванных этим зависти, ненависти, недовольства и гнева подданных «царство превратилось в тиранию» [Там же]. Это состояние и форму государства Полибий характеризует как начало упадка власти.

Тирания – время заговоров против обладателей. Но эти заговоры происходят от людей благородных и отважных, которые не желают переносить произвол тирана. При поддержке народа эти благородные люди сбрасывают тирана и утверждают аристократию. Эту форму государства Полибий характеризует как такое правление меньшинства, которое устанавливается с согласия народа и при котором те, кто правит, является «самые справедливые и наиболее здравомыслящие по выбору» [Там же].

На первых порах аристократические правители руководствуются во всех делах заботой об «общем благе». Когда же власть у аристократии становится наследственной и оказывается в руках людей «абсолютно незнакомых с требованиями общественного равенства и свободы» [Там же], тогда аристократия превращается в олигархию. Здесь царят злоупотребление властью, корыстолюбие и беззаконие.

Выступление народа против олигархии сопровождается убийством одних и изгнанием других. Не доверяя предыдущим формам правления, народ устанавливает демократию и берет на себя заботу о государстве. Демократией Полибий считает такой строй, при котором решающая сила принадлежит решению большинства народа, царит подчинение закону и традиционное уважение к богам, родителям и старшим. Но, постепенно отходя от этих ценностей, толпа выбирает себе вождем отважного честолюбца (демагога), а сама отстраняется от государственных дел. Таким образом, демократия вырождается в охлократию. Этот процесс Полибий характеризует следующим образом: «Когда разгневанный народ, слушая только голос собственного гнева, отказывает властям в подчинении, не признавая ее даже равноправной с собой, и все дела желает решать сам. После этого государство украсит себя благородным именем свободного народного правления, а на самом деле станет худшим из государств – охлократией» [Там же].

Определяя охлократию как строй насилия и беззакония, Полибий отмечает, что с точки зрения кругооборота государственных форм охлократия является не только худшей, но и последней в циклическом превращении форм правления. Конечный момент развития государства совпадает с исходным. «Такое, – подчеркивает Полибий, – круговорот государственного общежития, такой порядок природы, согласно которому формы правления меняются, переходят одна в другую и снова возвращаются» [Там же].

Взяв за основу циклический метапаттерн, Полибий вполне обоснованно полагал, что изучение прошлого позволяет предсказать будущее состояние: «по отношению ко всем эллинским государствам, которые неоднократно то возвышаются, то приходят в полный упадок, легко бывает и излагать предшествующую историю, и предсказывать будущее. Ибо легко передать, что знаешь, и нетрудно предсказать будущее на основании прошлого» [Там же].

Несмотря на последовательную приверженность Полибия циклической концепции, он не стремится ее абсолютизировать, отмечая, что даже «при всей ясности понимания этого предмета возможно ошибиться во времени, когда речь заходит о будущей судьбе государственного устройства». Несмотря на это, очень редким видом заблуждений, при данном способе политического прогнозирования, по мнению мыслителя, является заблуждение «относительно того, когда государственное устройство достигает наивысшего развития: или когда приходит к упадку, или же когда превращается в другую форму правления» [Там же].

Таким образом, Полибий, в отличие от большинства своих предшественников, делает акцент на изучении глубинной природы политического процесса, его этапов, знаменующих начало и конец политического цикла: «только человек, уразумевший то, каким образом зарождается каждая форма правления, в состоянии понять рост каждой из них, наивысшее развитие, переход в другую форму и конец: когда, каким образом и чем закончится данная форма правления» [Там же].

Таким образом, в античной философии глубоко укоренена идея вечного круговорота – такого движения, при котором нечто, созидаясь и разрушаясь, неизменно возвращалось к самому себе. Ее находим у Гераклита, Эмпедокла и стоиков. Вообще движение по кругу рассматривалось как идеально правильное, совершенное, ибо не имеет ни начала, ни конца и происходит в одном и том же месте, олицетворяя неподвижность и вечность. М. В. Сапронов справедливо отмечает, что «модель циклического развития, разработанная философами от Гесиода до Аристотеля, претерпела в дальнейшем в античной Греции ряд концептуальных изменений... Во-первых, циклы в общественной жизни все больше объяснялись действием “человеческого фактора”. Во-вторых, обозначилась приоритетная сфера приложения циклических моделей – государственное устройство» [11, с. 31-32].

Список литературы

1. **Аристотель.** О возникновении и уничтожении [Электронный ресурс]. URL: <http://scepticratio.ru/re/Arist-3.htm#3> (дата обращения: 20.01.2012).
2. **Гераклит Эфесский.** Фрагменты сочинения, известного позже под названиями «Музы» или «О природе» // Тит Лукреций Кар. О природе вещей / пер. Ф. Петровского. М.: Художественная литература, 1983. 383 с.
3. **Гесиод.** Труды и дни [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/weresaew_w_w/text_0300.shtml (дата обращения: 20.01.2012).
4. **Игнатенко А. А.** Принцип циклизма в средневековой арабо-исламской мысли [Электронный ресурс]. URL: <http://i-g.ru/page/stream-library/index-2576.html> (дата обращения: 20.01.2012).
5. **Логинов А. В.** Исследование социальной политики государства (на примере России) с использованием концепции политического цикла [Электронный ресурс] // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2010. № 2. С. 34-45. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15130991>
6. **Логинов А. В.** Особенности применения теории политического цикла к анализу процесса развития политической идеологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14). Ч. IV. С. 122-126.
7. **Логинов А. В., Магдеев А. М.** Региональная социальная политика в контексте теории политического цикла // Регионоведение. 2009. № 2. С. 28-40.
8. **Мухаев Р. Т.** История политических и правовых учений. Изд-е 2-е. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 591 с.
9. **Платон.** Государство [Электронный ресурс]. Книга 8. URL: <http://www.zmiersk.ru/platon/gosudarstvo.html> (дата обращения: 20.01.2012).
10. **Полибий.** Всеобщая история [Электронный ресурс]: в 40 книгах. Книга 6. URL: <http://www.attachment/66/06.htm> (дата обращения: 20.01.2012).
11. **Сапронов М. В.** Цикличность исторического процесса: историография, теория, методология: дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2003.
12. **Эмпедокл.** Из поэмы «О природе» // Тит Лукреций Кар. О природе вещей / пер. Ф. Петровского. М.: Художественная литература, 1983. 383 с.

CYCLISM PRINCIPLE IN ANCIENT GREECE POLITICAL DOCTRINES

Aleksandr Valer'evich Loginov, Ph. D. in Political Science, Associate Professor
Department of Regional Studies and Political Science
Mordvinian State University named after N. P. Ogarev
Loginov77@rambler.ru

The author reveals the content of the cyclic dynamics conceptions, presented in ancient Greek natural philosophers and political thinkers' works, studies the differential peculiarities of the mentioned conceptions and their empirical potential, and pays special attention to the content aspects of the empirical and speculative cyclism of ancient Greek political and philosophical conceptions.

Key words and phrases: cyclicity; cyclism principle; cyclic dynamics conception; political values; ancient Greek natural philosophy conceptions; circulation; changes constancy; government forms; regressive cyclicity.

УДК 130.2

В статье раскрывается содержание понятия метаязыка в контексте проблемы «первичности» и «вторичности» на примере работ Р. Карнапа, а также М. Мамардашвили и А. Пятигорского. Автором предпринят опыт реификации двух концепций, эвристического овеществления идей, в них заложенных. Рассматривается феноменология метаязыка применительно к фактам культуры в модусе трансцендентного, с учетом семиотической оппозиции «человеческое-нечеловеческое».

Ключевые слова и фразы: метаязык; прагмема; сознание; метапозиция; трансцендентная инстанция; нечеловеческое.

Владислав Борисович Малышев, к. пед. н., доцент
Кафедра философии
Самарский государственный технический университет
vlmaly@yandex.ru

**ДВЕ КОНЦЕПЦИИ МЕТАЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ
 «ПЕРВИЧНОСТИ» И «ВТОРИЧНОСТИ»: ОПЫТ РЕИФИКАЦИИ**[©]

В настоящем исследовании мы рассмотрим проблему метаязыка применительно к фактам культуры, обратившись к различным моделям его понимания. Это понимание мы попытаемся представить не только понятийно, но и методом реификации, эвристически «овеществив» представления о метаязыке в двух концепциях, прибегая к языку метафор и сравнений. Известно, что Р. Карнап разрабатывал понятие метаязыка для